

RU

Государственная музейная политика РСФСР 1920-х – начала 1930-х гг. (на примере экспозиционно-просветительской работы краеведческих музеев Северного Кавказа)

Карапетыан Л. А., Ратушняк В. Н., Ратушняк О. В.

Аннотация. Цель исследования - определить приоритеты и методы государственной музейной политики РСФСР на материалах экспозиционно-просветительской работы краеведческих музеев Северного Кавказа в 1920-х - начале 1930-х гг. Авторы статьи выясняют организационное строение и нормативно-правовое регулирование государственной музейной политики, доказывают усиление идеологизации и централизации в управлении деятельностью краеведческих музеев на рубеже 1920-1930-х гг. **Научная новизна** состоит в вовлечении в научный оборот неопубликованных архивных материалов, в сравнении экспозиционно-просветительской работы краеведческих музеев в различных городах Северного Кавказа. **В результате** доказано, что приоритеты и методы государственной музейной политики были подчинены целям воспитания «нового советского человека», идеологической интеграции общества.

EN

The Russian Federation Museum Policy in the 1920s – at the Beginning of the 1930s (by the Example of Expositional-Educational Activity of the North Caucasus Regional Museums)

Karapetyan L. A., Ratushnyak V. N., Ratushnyak O. V.

Abstract. The paper aims to identify goals and mechanisms of the Russian Federation museum policy by the example of expositional-educational activity of the North Caucasus regional museums in the 1920s - at the beginning of the 1930s. The authors examine the organizational basis and normative-legal regulation of the state museum policy; reveal the tendency for ideologization and centralization of regional museums administration at the turn of the 1920-1930s. Scientific originality of the study lies in the fact that the researchers introduce previously unpublished archival materials into scientific circulation, compare expositional-educational activity of the North Caucasus regional museums. The research findings are as follows: the authors prove that the state museum policy was aimed to educate a “new Soviet man”, to achieve ideological integration of the society.

Актуальность темы исследования вызвана тем, что сохранение и ретрансляция, приумножение культурного наследия являются одной из основных задач государственной музейной политики России. Экспозиционно-просветительская деятельность краеведческих музеев представляет собой незаменимый ресурс сохранения исторической памяти и формирования национального самосознания российского народа. Выбор приоритетов, задач и методов музейной политики всегда исторически детерминирован, отражает изменения государственной политики и запросы конкретной эпохи. Рассматриваемое время – одно из сложных и противоречивых в советской истории, а экскурсионная и просветительная деятельность краеведческих музеев Северного Кавказа остаётся малоизученной.

Задачи статьи включают в себя: выяснение и оценку организационного строения и нормативно-правового регулирования государственной музейной политики, раскрытие тенденций исторического развития экспозиционно-просветительской работы краеведческих музеев Северного Кавказа в сравнении периодов нэпа и форсированного строительства социализма, установление особенностей работы краеведческих музеев в русских округах и национальных автономиях.

Для осмысления научной проблемы применяются следующие принципы и *методы исследования*: принципы историзма и объективности, структурно-функциональный и сравнительно-исторический методы. Они позволяют решить поставленные задачи работы.

Теоретической базой исследования стали публикации историков С. А. Каспаринской [1], Ш. Плаггенборга [17], Т. П. Хлыниной и Е. Ф. Кринко [22], в которых обоснованы принципы и типология российской музейной политики, включая государственную политику раннесоветского периода.

Практическая значимость исследования состоит в том, что учёт позитивных и негативных аспектов музейной политики 1920-х – начала 1930-х гг. важен при определении задач, приоритетов и методов развития экспозиций современных краеведческих музеев на Юге России и Северном Кавказе.

В досоветский период в организационно-правовом отношении единого государственного органа и нормативно-правового акта, регулиующую данную сферу общественной жизни, не было. Музеи находились в ведении городских управлений, статистических комитетов, научных обществ, госучреждений, частных лиц. В то же время был накоплен ценный опыт создания музейных учреждений и подготовки образованных специалистов [Там же, с. 220-255].

В советский период ведущей тенденцией в музейном деле стала политика огосударствления. Советская система органов управления музеями признавала музейное строительство государственным делом. Работа в области культуры ставилась в неразрывную связь с задачами социалистического строительства. В разработке плана культурной политики значительное место в массовом просвещении народа заняли музеи, несущие в массы новую социалистическую культуру. Об этом неоднократно говорил председатель Совета народных комиссаров РСФСР В. И. Ленин. В частности, упомянем его выступление на третьем съезде Советов в январе 1918 г., в котором он отмечал большую роль исторического и культурного наследия для строительства социалистической культуры [14, с. 289].

В структуре советского правительства контроль над сохранностью и использованием культурного наследия возлагался на Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос) РСФСР во главе с А. В. Луначарским. Уже в ноябре 1917 г. Совнарком РСФСР создал орган по делам музеев и охране памятников искусства и старины – Всероссийскую коллегию при Наркомпросе. Она имела два отделения – в Петрограде и Москве. На местах при органах народного образования создавались комиссии по охране памятников. Декретом Совнаркома от 5 мая 1918 г. в составе Наркомпроса РСФСР создается отдел по делам музеев и охране памятников, а в его составе к осени того же года был образован особый подотдел провинциальных музеев во главе с Н. Г. Машковцевым. Определён круг обязанностей структуры: «Отдел заведует художественными и культурно-историческими музеями в стране, разрабатывает общегосударственный музейный план... организует в столице и провинции меры охраны памятников искусства и старины, производя разыскание и описание художественно-исторических ценностей, составляя нормы и условия, пресекающие возможность вывоза всех ценностей за пределы Республики, реставрирует памятники искусства и старины, популяризирует музейное дело в широких народных массах» [6, д. 144, л. 1].

Важной вехой в создании государственной системы органов охраны памятников стало постановление Наркомпроса РСФСР от 7 декабря 1918 г. о создании в губерниях при отделах народного образования подотделов по делам музеев и охране памятников. Утверждение 20 апреля 1921 г. коллегией Наркомпроса положения о Главмузее, в составе которого создавались отдел учета и охраны памятников и музейный отдел, которому подчинялись все музеи страны, означало централизацию управления. Возглавила Главмузей Н. И. Троцкая [13, с. 123]. 23 мая 1921 г. Наркомпрос издал положение о губернских музейных органах, существенно расширившее функции губернских музеев. В нём подчеркивалось значение музеев как организаций, занимающихся не только хранением культурных ценностей, но и проводящих научную и просветительскую работу (экскурсии, выставки, лекции, издательская деятельность). Структура губернских музеев состояла из трех подотделов: музейного, учета и охраны и просветительского. 2 января 1922 г. вместо Главмузея создается Главнаука (Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями) с сохранением отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины. С образованием Главнауки в задачи отдела входит идеологическое руководство сферой музейного дела. Наряду с этим решался вопрос реорганизации местных музеев в краеведческие. В разработанном отделом музеев Положении о местных музеях цели и задачи музеев определялись как краеведческие, чему способствовало расширение краеведческого движения. Подчеркивалось, что основная работа – это изучение края, а не строительство экспозиций по принципу энциклопедизма. Эта работа должна была строиться на базе систематического метода сбора и демонстрации материала. И лишь при наличии значительного количества музейных предметов возможно использование синтетического подхода [9, с. 49].

Отмеченные организационно-правовые и научно-методические решения нашли отражение в регионе. В августе 1920 г. создан Ставропольский отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины во главе с Г. Н. Прозрителевым [7, с. 8]. 10 июня 1921 г. в Кубано-Черноморской области образовано Управление по делам музеев и охраны памятников искусств, старины, народного быта и природы. В начале 1922 г. в Кубано-Черноморском губернском музее работало 5 чел. во главе с Г. Г. Григором. Музейным подотделом заведовал А. Т. Трукач, а подотделами охраны и просветительским руководил Р. К. Войцик [2, д. 277, л. 4, 14; 5, д. 155, л. 95]. 1 июня 1922 г. штат Управления был сокращен до 2 единиц, остались Григор и Трукач. В 1924 г. управление возглавил профессор Клочков [4, д. 18, л. 34 об., д. 1657, л. 43]. Перед музейным управлением стояли следующие

главные задачи: организация и направление деятельности музеев области, охрана памятников, просветительская работа. По данным управления, к концу 1923 г. в области функционировало 10 музеев (Армавир, Геленджик, Ейск, Краснодар, Кропоткин, Майкоп, Сочи, Темрюк, ст. Таманская), 1 археологическая база Таманского полуострова и Кубанский высокогорный заповедник. Штатное расписание музеев включало 18 чел. Шесть музеев финансировались из местного бюджета. Основная задача каждого музея заключалась во всестороннем изучении своего района. С целью придания их работе краеведческого направления Г. Григор летом 1923 г. объездил все музеи. Итогом поездки явилось то, что в Краснодарском музее был открыт кабинет краеведения, а в Сочинском, Новороссийском, Темрюкском, Майкопском, Геленджикском музеях созданы краеведческие общества [2, д. 175, л. 324 об.; 4, д. 1657, л. 62].

Краснодарский (Кубанский) музей являлся областным научным центром. С 1920 г. в его составе были художественный музей и педагогический музей наглядных пособий. Структура музея включала 8 отделов. Фонд насчитывал более 30 тыс. единиц хранения. Новороссийский музей занимался сбором, хранением, изучением и актуализацией памятников истории, археологии, этнографии, природы Черноморского побережья. Он состоял из 4 отделов, в том числе картинной галереи. Фонды насчитывали 18 тыс. ед. хр.

Ейский, Кавказский, Майкопский, Таманский принадлежали к музеям сельскохозяйственного профиля. В них насчитывалось соответственно 2300, 1600, 12697, 2550 предметов. Геленджикский и Сочинский музеи занимались в основном изучением морской фауны, субтропической флоры и горных ландшафтов. В 7 и 5 отделах соответственно числилось 4300 и 1929 ед. хр. Темрюкский музей занимался обследованием нижнего течения Кубани, фауны, флоры, лиманов, плавней. В 4 отделах музея насчитывалось 950 экспонатов. Армавирский музей считался центральным педагогическим, где в пяти отделах экспонировалось 8749 предметов [2, д. 103, л. 57 об., д. 175, л. 324 об., д. 308, л. 188, 189].

В середине 1920-х гг. произошли изменения в музейной сети. В 1924 г. вновь стал самостоятельным Художественный музей, получивший с 1926 г. имя А. В. Луначарского. В 1924 г. в Краснодаре открыты новые музеи: Музей по охране народного здоровья, Музей наглядных педагогических пособий Краснодарского педтехникума, Музей «Авиахим». В 1925 г. основан Адыгейский областной историко-этнографический музей. Тогда же стал самостоятельным Музей Октябрьской революции, возникший в 1922 г. при политической секции архивного бюро и областном истпартате [12, с. 19-24]. Очередная реорганизация музейной сети Краснодара в сторону ее централизации имела место в середине 30-х гг. В 1935 г. в состав краеведческого музея вошел Музей революции, а в 1936 г. – и другие отмеченные музеи, кроме Художественного.

Усилиями Российской академии истории материальной культуры в городах региона были созданы этнолого-археологические комиссии по выявлению, изучению, сохранению и пропаганде культурного наследия, работавшие в тесном контакте с местными музеями. В национальных территориях Северного Кавказа развитие музеев было связано с созданием и реорганизацией национальных автономий и деятельностью краеведческих обществ. Были образованы следующие краеведческие общества: Северо-Осетинское (1920 г.), Кабардино-Балкарское общество (1922 г.), Общество изучения Адыгейской автономной области (1924 г.), Литературное общество Ингушетии (1924 г.), занимавшиеся, среди прочих задач, вопросами краеведения, а также Чеченское краеведческое общество (1929 г.) [22, с. 222]. Для координации краеведческого движения в 1920 г. во Владикавказе были созданы Горский научно-исследовательский институт краеведения и Горский музей при нём. В первой половине 1920-х годов в национальных областях были созданы краеведческие музеи в Нальчике (1921 г.), Махачкале (1922 г.), Грозном (1924 г.), Баталпашинске (Карачаево-Черкесский), Адыгейский областной историко-этнографический музей в Краснодаре (1925 г.), Краевой музей горских народов в Ростове-на-Дону (1926 г.), а также научно-исследовательские институты краеведения. Основной задачей музеев в национальных регионах являлось изучение истории культур народов. В пополнении их фондов значительное место занимали археологические и этнографические материалы за счет полевых экспедиций совместно с музейным отделом Наркомпроса и Академией материальной культуры. Например, в 1922 г. музеем при Северо-Кавказском институте краеведения было обследовано «Нартовское кладбище» в с. Лац, в 1924 г. организованы экспедиция в горную Осетию (ущелья Кобанское, Даргавское, Санибанское, Куртатинское) и археологическая разведка в районе Военно-Грузинской дороги, в феврале 1925 г. – в районе Кобанского ущелья [9, с. 51]. С 1920 г. по 1926 г. экспедиции работали по всему Северному Кавказу [7, с. 8], что давало существенное пополнение фондов музеев и развитие экспозиционно-просветительской работы. Кроме того, музеи получали экспонаты из Музейного фонда с 1920 г. по 1927 г. Так, в 1921 г. Пятигорский музей получил 350 ед.; Ростовский-на-Дону – 9 ед.; в 1923 г. – Дагестанский – 203 ед.; Краснодарский – 65 ед.; в 1925 г. – Грозненский – 12 ед., Ставропольский – 111 ед.; 1927 г. – Кабардино-Балкарский – 25 ед. хр. [9, с. 58-60].

На 1 октября 1927 г. в Северо-Кавказском крае функционировали 23 краеведческих музея из 288, расположенных в пределах РСФСР, что составляло около 8%. Из них 10 музеев находились на территории Кубани. Прежде всего, это Кубано-Черноморский государственный областной музей, имеющий функции научно-методического центра. Далее назывались музеи края: Майкопский, Новороссийский, Сочинский, Армавирский, Геленджикский, Ейский, Кавказский – г. Кропоткин, Темрюкский, Усть-Лабинский. В Краснодаре располагался Адыгейский областной музей, но в соответствии с новым административно-территориальным делением он в 1927 г. был отнесен к Адыгейской автономной области. В других округах и автономиях Северо-Кавказского края функционировали: на Дону – Донской государственный областной музей, Новочеркасский музей местного края, Таганрогский музей местного края; в Ставрополе – Ставропольский музей Северного

Кавказа и Ставропольский центральный народный музей им. Праве; в Пятигорске – Терский музей местного края; во Владикавказе – Владикавказский музей местного края; в Нальчике – Кабардино-Балкарский областной музей; в Баталпашинске – Карачаево-Черкесский областной музей; в Грозном – Чеченский областной музей; в Махачкале – Центральный Дагестанский музей [Там же, с. 70-71].

К середине 1920-х гг. в краеведческих музеях в соответствии с рекомендациями Музейного отдела экспозиции включали три основных отдела – естественно-исторический, культурно-исторический, общественно-экономический, которые делились на подотделы. По данным О. В. Ионовой, в 1926 г. они имелись в 279 музеях, а в 288 музеях функционировали историко-бытовые и историко-культурные отделы [Там же, с. 53]. Последние более характерны для национальных музеев региона. Краснодарский краеведческий музей также строил свою просветительскую деятельность на основе указанных трех отделов, где материал был представлен систематическим методом. На пути к тематической экспозиции находился Краснодарский музей революции [10, с. 129].

В краеведческих музеях обычно выставлялось всё, что имелось. Поэтому говорить отдельно об экспозиционных и фондовых материалах не приходится. Тенденция к такому разграничению берет начало со второй половины 1920-х гг. Однако этот процесс тормозился отсутствием научно-методических разработок в указанных сферах и нехваткой кадров. Также, сделав основой всей деятельности музеев классовый подход, творцы советской музейной политики игнорировали важные принципы комплектования музеев: научность и комплексность. Продолжались споры о признаках музейного предмета и его ценности. Противоречиво решался вопрос о сборе материала по истории советского общества, поскольку ещё не были определены методы выявления и отбора памятников новейшей истории. Всё это не могло не сказаться на качестве музейных фондов, следовательно, и экспозиционно-просветительской работы. Усугубила ситуацию на рубеже 1920-1930-х годов борьба с «вещевизмом». Под ним понимался безыдейный показ музейных предметов. Однако идеологизированный подход привел к недооценке значения подлинного предмета в формировании музейных фондов. Но известно, что фонд музея – это основа для выполнения им различных социальных функций. От состава и смысла его работы зависит, насколько эффективно музеи выполняют свою цель.

Со второй половины 1920-х гг. в условиях начавшихся масштабных хозяйственных преобразований особое внимание в деятельности музеев уделялось политико-просветительской работе. В докладе музейного отдела Главнауки о работе в 1925-1927 гг. указывалось, что основной целью является непосредственное сближение музейного дела и охраны памятников с задачами социалистического строительства. Музеям Кубанского и Черноморского округов в числе других 16 регионов уделялось особое внимание отделом Главнауки в организации музейно-просветительской работы [13, с. 130]. Её важнейшими показателями признавались посещаемость музеев, экскурсионное обслуживание посетителей, лекции и доклады, выставки. Систематические и полные данные по каждому музею региона у нас отсутствуют. Вместе с тем сравнение имеющихся цифр дает определенное представление. Так, во второй половине 1923 г. краеведческие музеи с учетом выставок посетило 53 тыс. человек. В 1924-1926 гг. в 4 музеях (художественный и краеведческий музеи Краснодара, музеи Темрюка и Тамани) побывало 75 тыс. человек, проведено 548 экскурсий, прочитано 50 лекций. За указанные годы сотрудники Ейского музея прочитали 26 лекций. Во второй половине 20-х гг. Краснодарский краеведческий музей ежегодно посещало 10,5 тыс., из которых 70% являлись учащимися. Экскурсионным обслуживанием было охвачено 77% посетителей [3, д. 150, л. 150]. Сохранились отчеты Музея революции о посещаемости за 1925-1929 гг., согласно которым музей посетило в 1925 г. 3532 чел., в 1926 г. – 34560, в 1928 г. – 68120, в 1929 г. – 165 тыс. чел. Но комиссия, обследовавшая музей в 1930 г., отметила завышение показателей в два раза. Кроме того, она указала на низкий уровень экскурсий как в методологическом, так и в идеологическом отношении, проявившийся в игнорировании марксистской методологии и диалектики [Там же, л. 136, 137]. Значительное внимание уделялось работе со школами. В конце 1923 г. на совместном собрании местных членов губмузея и педагогов избрана специальная комиссия по разработке экскурсионной тематики для учащихся. Были выделены специальные дни посещения музеев для учащихся. Работа школьных кружков тесно координировалась с музеями. Отдел народного образования выделял ежегодно 12 руб. на оплату трех руководителей школьных учебных экскурсий в Музее революции [Там же, д. 143, л. 4, 5, 15, 16].

Школьные учебные экскурсии активизировались в конце 1920-х – начале 1930-х гг. вследствие постановлений ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» (1931 г.) и «Об учебных программах и режиме работы в начальной и средней школе» (1932 г.). Эти директивные документы требовали повысить наглядность обучения, усилив роль визуального материала, активно использовать экскурсии. Например, в Краснодарском художественном музее открылись школьные комнаты, где собраны репродукционные материалы, необходимые для углубленного изучения учебных программ. Из 22577 посетителей музея в 1930 г. учащиеся составляли 7851, для которых проведено 159 экскурсий. Посещаемость музея учащимися по сравнению с 1927 г. была на 1487 чел. больше [21, с. 26]. В г. Грозном музей в 1926-1927 гг. посетило 15580 чел., а в 1928-1929 гг. – 32183, т.е. увеличение в 2 раза [11, с. 146]. На Кубани с целью расширения массовой политико-просветительской работы в 1931 г. планировалось создать межмузейный совет и методический кабинет, установить шефство над музеями со стороны партийных и профсоюзных организаций, что было в рамках Положения Главнауки от марта 1929 г. об организации в музеях общественно-политических советов.

Музеи были обязаны освещать и пропагандировать начавшуюся в СССР индустриализацию и коллективизацию. То есть музейный отдел Главнауки не был против усиления политико-просветительской работы. Однако, по мнению другой структуры Наркомата просвещения – Главполитпросвета (Главный политико-

просветительный комитет образован в ноябре 1920 г., а в 1930 г. преобразован в Сектор массовой работы, возглавляемый Н. К. Крупской), этого было явно недостаточно. В 1927 г. IV съезд политпросветов принял решение о том, чтобы при построении экспозиций местных музеев в них нашли отражение достижения советского строительства с момента победы революции, проводилось бы сравнение с дореволюционным периодом и указывались перспективы развития [9, с. 56]. О перестройке экспозиций «на базе марксистско-ленинской методологии» и усилении их познавательного-пропагандистского характера говорилось и в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 20 августа 1928 г. 4 мая 1930 г. Н. К. Крупская утвердила решение Главполитпросветкомитета «О музеях и политпросветработе», по которому музеи объявлялись учреждением массовой политико-просветительной работы на основе музейной экспозиции [8, с. 86, 89].

Итогом противостояния между Главнаукой и Главполитпросветом, развернувшегося с конца 1926 г., явилось ослабление с осени 1928 г. позиций Главнауки, а затем и её упразднения. В докладной записке Главполитпросвета «О руководстве просветительной работой в музеях», обсуждённой его музейным отделом в декабре 1927 г. – январе 1928 г., работа данного отдела была оценена негативно. Выдвигалось требование сохранить за Главнаукой методическое руководство научно-исследовательской работой музеев и контроль над музеями в сфере охраны исторического и культурного наследия, а остальные функции передать Главполитпросвету. Прежде всего, Главполитпросвет исходил из неудовлетворительной политико-просветительной работы музеев с точки зрения радикального изменения ее содержания, на которое не соглашалась Главнаука, а поэтому не было смысла оставления данной сферы в управлении прежней структуры. Основным недостатком в деятельности музеев называлось приоритетное внимание к функциям документирования и хранения, научного исследования коллекций. С этим связан их отрыв от хода хозяйственного социалистического строительства... «Динамика общественного хозяйства не находит отражения в музейной экспозиции. Даже так называемые краеведческие местные музеи в лучшем случае изучают или отдаленное прошлое края, или отживающие элементы настоящего (фольклор и т.п.)» [13, с. 136-137]. А это не понятно большинству рабочих и крестьян, воспринимающих музей как безжизненное учреждение. Профессиональный подход к музейной работе Главполитпросвет оценивал как кустарный, который мешает подняться музеям на уровень новых требований. Аналогично оценивалась и музейная традиция, носящая отвлеченно-научный характер. Например, отмечалось, что эта традиция не позволяет показывать в экспозиции вещь с точки зрения современного, коммунистического взгляда на нее. Поэтому с такой точки зрения краеведческие музеи должны были быть, прежде всего, политико-просветительскими учреждениями. Их основная цель заключается в просвещении и воспитании общества на идеалах коммунизма. Научно-исследовательская работа должна определяться данной целью. В соответствии с этим подходом краеведческие музеи вошли в систему политпросветительных учреждений местных отделов народного образования.

Главнаука Наркомпроса весь 1927 г. и зиму-лето 1928 г. боролась за сохранение единства управления музейным делом, но переломить нарастающую тенденцию не удалось. В 1930 г. она была преобразована в сектор науки, а в сентябре 1933 г. – упразднена. Напомним, что 1925-1927 гг. – это время борьбы с троцкистской оппозицией в ВКП(б), а поэтому проверки музейного отдела Главнауки и большинство замечаний носили политический характер и были направлены против главы отдела – Н. И. Троцкой. Но проблема, к сожалению, в том, что были уничтожены позитивные итоги управления музейным строительством, достигнутые в 1920-е гг.

К концу 1920-х гг. утверждается принципиально новая система оценки музейной деятельности. Поскольку Главполитпросвет был партийным органом контроля над Наркомпросом, то его взгляды являлись отражением определенной партийно-государственной позиции. Складывалось новое представление о музее, прежде всего, как политико-просветительном учреждении. Этот подход закреплен на всероссийском музейном съезде в декабре 1930 г., который предлагал музеям создать новую марксистскую экспозицию, включая специальные отделы по социалистическому строительству. Об этом говорил нарком просвещения РСФСР А. С. Бубнов в письме-приветствии съезду, отмечая необходимость преодоления «значительных пережитков отсталости, отрыва от актуальных задач борьбы и строительства сегодняшнего дня... застойности и рутинности в деле разработки и разрешения вопросов музейной экспозиции. Новые кадры музейных работников должны взять на себя задачу борьбы за новый музей... и новую музейную экспозицию, построенную на принципах материалистической диалектики. Музей-кусткамера нам не нужен... Но мы не должны допускать вульгаризации самой задачи преобразования музейного дела. Это приобретает особенное значение при наличии состояния кадров музейных специалистов. Музейная молодежь в ряде случаев не овладела своей специальностью... Нужно развернуть подготовку специалистов, которые соединили бы в себе марксизм с овладением музейной специальностью и были бы организаторами музеев, как одного из орудий культурной революции» [16, с. 644-645].

Заместитель наркома М. С. Эпштейн высказался более радикально. Он заявил, что все собранное в музеях следует реконструировать в интересах рабочих. В противном случае основные хранилища и экспозиции вне марксистской методологии и классовых интересов будут консервировать старые традиции музея-кусткамеры и представляют огромную базу для правого оппортунизма. Левый уклон ему виделся в отрицании церковной археологии. Это являлось проявлением сталинского тезиса об усилении классовой борьбы по мере строительства социализма в музейной сфере. М. С. Эпштейн предлагал отдать приоритет новым типам музеев – краеведческим, историко-революционным, антирелигиозным, политехническим – и таким новым массовым методам музейной работы, как организованные экскурсии по экспозиции, консультации, передвижные выставки, социальное соревнование. Это должно было решить следующие задачи: поставить музеи на службу социалистическому

строительству, политико-просветительной работе, культурной революции, а музеи краеведческие подчинить пятилетке района [19, с. 641-643].

Борьбе с немарксистской экспозицией посвятил выступление на съезде И. К. Луппол. Он назвал разновидностью механистического материализма ползучий эмпиризм, когда экспозиционная работа основана на отдельных вещах и фактах без учета связанных с ними происходящих процессов: «Музей должен давать определенную систему идей... Словом, экспозиция наших музеев должна способствовать усвоению диалектико-материалистической точки зрения на ту отрасль действительности, которая в данном музее представлена» [15, с. 651, 653].

На съезде отмечалось, что основой политпросветработы является музейная экспозиция. Обращалось внимание на то, что плодотворность работы зависит от точного учета восприятий и запросов музейного посетителя. Поэтому ставилась задача изучения музейного зрителя путем таких методов, как самонаблюдение (опросные листки различных типов), объективное наблюдение, привлечение к этой работе психологов [20, с. 664]. Съезд принял резолюцию «Принципы и формы массовой политпросветработы в музее». Задачами музея провозглашались не только отражение настоящего и прошлого, но и «строительство будущего на основе линии коммунистической партии». Поэтому главное направление музейной деятельности сводилось к активизации посетителя через такие лозунги, как «борьба за промфинплан», «колхозное строительство», «борьба за кадры», «за всеобщее обучение», «за ликвидацию неграмотности», «политехнизация школы», которые должны пронизывать музейную экспозицию.

Менялась роль музеев в сети политпросветительных учреждений. Они превращались в часть «политико-просветительного комбината». Исходя из этого, менялись и формы массовой внемузейной работы. Акцентировалось внимание на таких формах деятельности, как выезд на предприятия с докладами о музее; радиодоклады – тематические экскурсии с посещением музеев радиослушателями; участие музейных работников в стенгазетах фабрично-заводской и колхозной печати; кинофильмы о музее; передвижные выставки, агитация за музей; контроль за работой музеев организованной рабочей и колхозной общественностью, в том числе предварительный просмотр музейной экспозиции рабочими бригадами; участие рабочих и колхозников в работе музеев через взаимное шефство над предприятиями и колхозами. Особое внимание уделялось экскурсионной и лекционной работе, их совершенствованию. Критиковалась работа общественно-политических советов при музеях, призванных информировать широкие массы о деятельности музеев. Но съезд не поддержал тенденцию на их упразднение, а поставил задачу исправить недостатки в работе [18, с. 665-669]. Мнение о том, что музей является научно-исследовательским учреждением и его политико-просветительная работа должна основываться на научно-исследовательской работе, на практике зачастую игнорировалось.

Таким образом, на рубеже 1920-1930-х гг. состоялись коренные изменения музейной политики РСФСР. Во-первых, обеспечен переход к музейной экспозиции на основе формационного принципа с опорой на партийность. Были созданы отделы «советского строительства». Так, в Краснодарском музее структура экспозиции включала отделы естественной истории, истории и советский отдел, а в г. Грозном – природы, археологии, этнографии, историко-революционной реконструкции и социалистического строительства [10, с. 130; 11, с. 146]. Во-вторых, требование отказаться от безыдейного показа (борьба с «вещевизмом») привело к значительному сокращению в музейных экспозициях подлинных памятников, открывало путь к наглядным иллюстрированиям социологических схем М. Н. Покровского и его сторонников. Он выражался в показе в экспозиции набора наглядных пособий на конкретные темы с пренебрежением к музейным предметам как подлинным первоисточникам. Например, в советском отделе Краснодарского музея подлинных памятников было чуть более трети. Это приводило к отказу от специфической формы музейной коммуникации, основной формой которой оставалась музейная экспозиция. Кроме того, данный подход негативно отразился на комплектовании фондов подлинным материалом, что в целом отрицательно сказывалось на сохранении и актуализации культурного наследия. В-третьих, оперативно выполнить поставленные задачи можно было, и делалось, в частности, в музеях Кубани путем выставок с использованием главным образом вспомогательного материала [3, д. 150, л. 130, 131]. В-четвертых, такие указания приводили к ослаблению внимания к стационарным экспозициям и негативно сказывались на посещаемости, что доказали обследования музеев начала 1930-х гг. В-пятых, утверждение строгого партийного контроля ограничивало музейную работу, исходя из приоритетности политического просвещения.

Однако вскоре стали видны допущенные ошибки. На это указывал циркуляр НКП от 17 января 1933 г. «О резкспозиции музеев», в котором недостаток подлинных памятников в экспозиции сочтен главной ошибкой. Однако преодоление недостатков оказалось делом нелегким и медленным. Особенно трудно приходилось самой многочисленной группе музеев – краеведческим (из 442 музеев РСФСР 345 были краеведческими) в связи с нехваткой музейных кадров и слабой материальной базой.

В итоге исследования мы пришли к следующим **выводам**. Государственная музейная политика РСФСР на Северном Кавказе (1920-е – начало 1930-х гг.) имела целью воспитание «нового советского человека», сплочение общества на основе коммунистической идеологии. Эта цель неуклонно реализовывалась на протяжении всего изученного периода. Направленность отбора исторических материалов для экспозиции была противоположной в краеведческих музеях русских округов (Дон, Кубань, Терек, Ставрополье) и национальных автономий. Если в первых закрывались или перепрофилировались бывшие казачьи исторические музеи, то в автономиях, напротив, создавались «с нуля» экспозиции об истории и этнографии народов Северного

Кавказа, акцент делался на их героической борьбе против царизма. Это не исключало радикальных изменений организационного строения и нормативно-правового регулирования государственной музейной политики, в том числе применительно к краеведческим музеям Северного Кавказа. Для 1920-1928 гг. характерно многообразие типов региональных и местных музеев, ориентированных государственными регулирующими органами на комплексные краеведческие исследования. Период 1929-1933 гг., напротив, характеризуется жёсткой централизацией и унификацией управления музеями, на первый план выходят утилитарно-пропагандистские функции работы музеев, их «встраивание» в общую стратегию культурной революции. Данные изменения объясняются как переходом от нэпа к форсированному строительству социализма, так и сменой идеологических приоритетов: от поощрения краеведения к его осуждению в качестве буржуазно-объективистского, безыдейного, связанного с центробежными настроениями.

Вместе с тем опыт экскурсионно-просветительной деятельности краеведческих музеев Северного Кавказа 1920 – начала 1930-х гг. сохраняет злободневность в аспекте разнообразных форм массовой работы с населением.

Список источников

1. Государственная политика в области музейного дела (XVIII-XX вв.) / отв. ред. С. А. Каспаринская. М.: НИИК, 1991. 322 с.
2. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-365. Оп. 1.
3. ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2.
4. ГАКК. Ф. Р-890. Оп. 1.
5. ГАКК. Ф. Р-1547. Оп. 1.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 2306. Оп. 28.
7. Ермоленко Л. П. Охрана памятников старины на Северном Кавказе в 1920-1930-х гг. // Вестник Ставропольского государственного университета. 2007. № 48. С. 5-14.
8. Ионова О. В. Музейное строительство в годы довоенных пятилеток (1928-1941 гг.) // Очерки истории музейного дела в СССР. М.: Советская Россия, 1963. Вып. V. С. 84-118.
9. Ионова О. В. Создание сети краеведческих музеев РСФСР в первые десять лет советской власти // История музейного дела: труды Научно-исследовательского института музееведения. М.: Госкультпросветиздат, 1957. Вып. 1. С. 49-71.
10. Карапетян Л. А. К вопросу об исторической экспозиции Краснодарского краеведческого музея в контексте принципов предметности, научности, коммуникативности (середина 20-х - середина 30-х гг. XX в.) // Культурная жизнь Юга России. 2019. № 1. С. 128-131.
11. Киндарова А. Я. Научно-краеведческие общества, краеведческие музеи и областные научно-исследовательские институты Северного Кавказа в 1920-1930-е годы // Известия Чеченского государственного педагогического университета. 2009. № 2. С. 140-149.
12. Кубань и Черноморье: Краснодар и его окрестности: экскурсионные маршруты по Кубанскому округу и Северо-Западному Кавказу. Краснодар: Глав. тип. Кубполиграфа, 1927. XI+167 с.
13. Кузина Г. А. Государственная политика в области музейного дела в 1917-1941 гг. // Музей и власть: в 2-х ч. / отв. ред. С. А. Каспаринская. М.: НИИК, 1991. Ч. 1. С. 123-137.
14. Ленин В. И. Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 10-18 (23-31) января 1918 г. Заключительное слово перед закрытием съезда 18 (31) января // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55-ти т. Изд-е 5-е. М.: Издательство политической литературы, 1974. Т. 35. С. 286-290.
15. Луппол И. К. Диалектический материализм и музейное строительство // Музееведческая мысль в России XVIII-XX веков: сборник материалов и документов / отв. ред. Э. А. Шулепова. М.: Этерна, 2010. С. 646-655.
16. Письмо-приветствие А. С. Бубнова // Музееведческая мысль в России XVIII-XX веков: сборник материалов и документов / отв. ред. Э. А. Шулепова. М.: Этерна, 2010. С. 644-645.
17. Плаггенборг Ш. Революция и культура: культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб.: Нева, 2000. 416 с.
18. Принципы и формы массовой политпросветработы в музее // Музееведческая мысль в России XVIII-XX веков: сборник материалов и документов / отв. ред. Э. А. Шулепова. М.: Этерна, 2010. С. 665-669.
19. Речь М. С. Эпштейна на открытии съезда // Музееведческая мысль в России XVIII-XX веков: сборник материалов и документов / отв. ред. Э. А. Шулепова. М.: Этерна, 2010. С. 641-643.
20. Розенталь Л. В. Формы массовой политпросветработы в музее и изучение музейного зрителя // Музееведческая мысль в России XVIII-XX веков: сборник материалов и документов / отв. ред. Э. А. Шулепова. М.: Этерна, 2010. С. 664-665.
21. Сальникова Т. А. Деятельность Краснодарского художественного музея им. Ф. А. Коваленко в исторической ретроспективе // Коваленковские чтения - 2014. 100+10: сб. сообщений. Краснодар: Краснодарский краевой художественный музей им. Ф. А. Коваленко, 2014. Юбилейный выпуск 8. С. 24-30.
22. Хлынина Т. П., Кринко Е. Ф. История, политика и нацистроительство на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. 434 с.

Информация об авторах | Author information**RU**

Карапетын Лев Александрович¹, д. ист. н., проф.
Ратушняк Валерий Николаевич², д. ист. н., проф.
Ратушняк Олег Валерьевич³, д. ист. н., доц.

¹ Краснодарский государственный институт культуры

^{2,3} Кубанский государственный университет, г. Краснодар

EN

Karapetyan Lev Alexandrovich¹, Dr
Ratushnyak Valeriy Nikolaevich², Dr
Ratushnyak Oleg Valerievich³, Dr

¹ Krasnodar State Institute of Culture

^{2,3} Kuban State University, Krasnodar

¹ leva.karapetyan.53@mail.ru, ² ratushnyak_vn@mail.ru, ³ oleg_ratushnyak@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 09.11.2020; опубликовано (published): 30.12.2020.

Ключевые слова (keywords): государственная музейная политика РСФСР; краеведческие музеи; Северный Кавказ; Russian Federation museum policy; regional museums; North Caucasus.